

Что ни говори, а юридическое образование — штука незаменимая, когда нужно говорить ладно и складно, лавируя между большими вопросами, которые так и останутся неразрешенными. Пример такого искусства можно наблюдать в интервью Ильи Ароновича Когана, который «решился сказать все». Вот только имеет ли это искусство какое-нибудь отношение к театру — большой вопрос.

Говорит, да не договаривает...

«Критики восторгались, а зрительный зал бывал пустым», — говорит, к примеру, Илья Аронович (это, кстати, одно из главных его доказательств несостоятельности Женовача как режиссера). Говорит, да не договаривает. Не договаривает, например, того, что ситуация, когда зрительный зал пуст, а в кассе перед началом спектакля билетов нет, была для Малой Бронной вполне обычным явлением. Не договаривает, что фирма, с которой театр заключил договор о распространении билетов, возвращала в кассу непроданные билеты не за два часа до спектакля, как положено, а на следующий день.

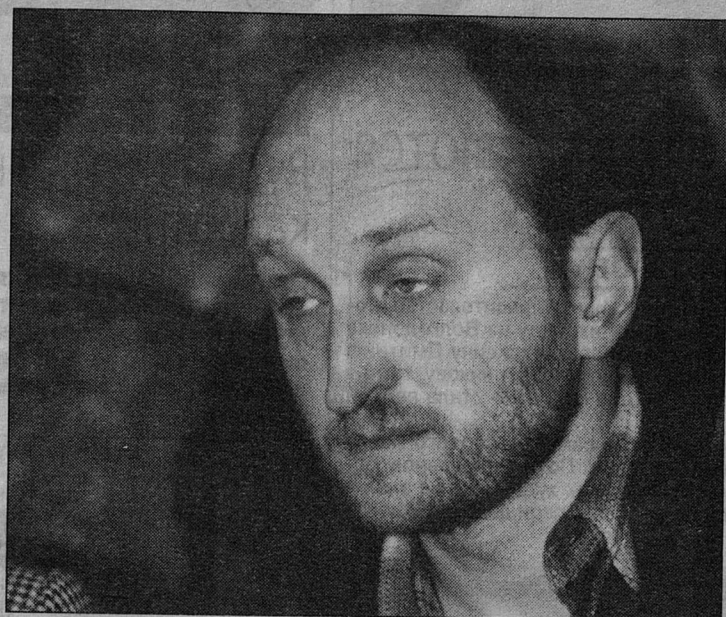
Не задумывается Илья Аронович и над странным парадоксом: почему в другие театры на спектакли Женовача ломаются (как, например, на «Владимир III степени» или «Месяц в деревне» у «фоменок»), а на Малой Бронной нет. Не договаривает, наконец, о переаншлаге на спектакле «Ночь перед Рождеством», когда те же «фоменки», все, как один, стояли по стеночке на балконе. И не только, кстати, потому, что был ажиотаж, но и потому, что администрация не справилась с непривычной для нее аншлаговой ситуацией и продала билеты, забронированные для приглашенных, а ставить в зале дополнительные стулья не разрешили пожарники. Кстати, спектакль, прошедший

с аншлагами всего двенадцать раз, больше никогда не будет идти не только на Малой Бронной, но и ни в каком другом театре, ибо он не принадлежит ни Женовачу, ни Боровскому, ни актерам, а принадлежит дирекции, и выкупить его для показа в других местах фактически невозможно — слишком дорого.

Женовач занимал в спектаклях только «своих», об остальных не думал, — другое веское обвинение директора. Достаточно полистать программы спектаклей Женовача на Малой Бронной, чтобы убедиться, что и об «остальных» он задумывался. В «Пучине», «Идиоте», «Ночи перед Рождеством» играли Георгий Мартынюк, Лариса Богословская, Геннадий Сайфулин, Сергей Перелыгин, Вера Майорова, Владимир Ершов, Мария Андрианова, Кирилл Глазунов, Лев Дуров, Екатерина Дурова, Ольга Сирина, Александр Котов. Прошу прощения, если кого-то упустила. Надо сказать, что проблема незакрытых актеров возникла не вчера и не только на Малой Бронной. О раздутых труппах академических театров не сокрушался только ленивый. О том, как не просто (и морально, и юридически) уволить артиста на улицу в наше тяжелое время, тоже понимает каждый. Что тут скажешь? «Когда в распределении ролей актер не находит своей фамилии, ему не кажется, что это интрига, что режиссер сделал подлость и т.п. Ему, актеру, бывает горько, но он понимает, что существует некая творческая целесообразность. Есть разные степени да-

рования, разные индивидуально-сти, и при распределении ролей не так-то уж легко все это взвесить. Конечно, в каждом театре... могут оставаться незаслуженно немеченные люди. Но, как правило, в любом театре все-таки больше играют те, кто должен больше играть, а меньше те, кто должен играть меньше. Театр — дело публичное, открытое, и на сцене моментально выясняется, кто идет впереди. Кроме того, азбучной истиной мне кажется, что в искусстве не только первые места почетны. Когда человек прекрасно выполняет свое небольшое дело в спектакле, он становится заметен и уважаем», — писал в своей «Четвертой книге» Анатолий Васильевич Эфрос, к светлой памяти которого обращаются сегодня все, кому не лень, зачем-то противопоставляя ему живых, что как минимум не этично. Обратился к ней и Илья Аронович, процитировав некую стенограмму. И тут уж совсем неудобно как-то становится за господина директора. Ведь в магазинах продается эфросовский четырехтомник. И там Анатолий Васильевич описал свое отношение к директору театра, с которым ему довелось работать: «... в чем суть нашего (моего) конфликта с директором? В том, вероятно, что он не знал и не хочет знать художественной биографии театра и его художественного лица. Ему это глубоко безразлично. Он не союзник, не друг, не помощник, он — официальное лицо. Как официальное лицо он, возможно, для кого-то и хорош, но как директор театра — плох. Возникают интриги, которые не пресекаются директорской властью, тактом, мудростью, а, напротив, раздуваются и умело поддерживаются...».

«На традиционном собрании труппы, завершавшем сезон, не было ни одного выступающего, кто выразил бы сожаление об уходе Женовача», — удовлетворенно замечает Коган. Забыв при этом добавить, что далеко не все на это собрание пришли.



Сергея Женовача заменит художественная коллегия

И, наконец, о планах. Сообщив Женовачу о том, что в ближайшее время режиссер из Петербурга Александр Исаков (о котором Москва, мягко говоря, не слышана) будет ставить пьесу «популярного бродвейского драматурга Нила Саймона» «Дураки» (где популярный бродвеец описывает русскую деревню, населенную этими самыми дураками, — вот потеха-то!), а также о том, что Виктория Харченко начнет работу над «Путешествием без багажа», Коган фактически дал понять Женовачу, что репетиционное место (не говоря уж о постановочных средствах) тому не светит. А потом «удивился», почему Женовач не захотел бездельничать в театре ближайший год ни в качестве главного режиссера, ни в качестве очередного, и ушел. Дай-то бог, чтобы Москва увидела два шедевра и валом повалила на вновь заигравшую во всем своем блеске труппу. Да только верится в это с трудом.

Сергей Женовач не пропадет — уже сейчас у него есть несколько предложений от разных театров. Хотя, конечно, поставить крест на деле, которому отдано семь лет жизни, всегда сложно. При нем театр, безусловно, обрел свое лицо, хотя не могу сказать, что с восторгом принимала все, что ставил Сергей Женовач. «Пучина» мне, например, откровенно не нравилась, а вот «Владимира III степени» отношу к самым дорогим своим театральным впечатлениям. Все остальные спектакли вызывали настоящий интерес и уважение, а «Мельника, колдуна, обманщика и свата» я по глупости своей так и не посмотрела и не посмотрю уже никогда — все спектакли Женовача сняты с репертуара. Зато, например, такой «шедевр», как «Цианистый калий... с молоком или без?», красуется на афише. «На фоне падающего уровня спектаклей никогда не родится ничего крупного. Женовач — это тот замечатель-

ный второй ряд, который отступит назад, когда появится гений. Но его ведь нет! Вспомните, с какой легкостью мы отдали на растерзание Эфроса и Дунаева. Неужели мы будем поощрять интриганство?» — говорила Инна Соловьева на заседании критиков, посвященном итогам сезона. И редко, когда отношение к проблеме вызывало у моих коллег такое единодушие — другие называли происходящее в театре еще покрепче.

А Илье Ароновичу Когану, пережившему столько главных режиссеров, все равно придется понять, что любой главный режиссер (иначе грош ему цена), который согласится возглавить Малую Бронную (если согласится), будет иметь свои предпочтения среди актеров, драматургов, приглашенных режиссеров, художников и свои представления о том, каким должен быть театр. Вполне возможно, что они опять не совпадут с мнением директора.